

Lex talionis: нарративы о наказании святотатцев в православном городском сообществе

Надежда Николаевна Рычкова

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

Аннотация. В статье рассмотрены тексты о наказании святотатцев, записанные от членов общины Страстного монастыря — православного сообщества, объединенного целью возрождения обители (1654–1937) на месте современной Пушкинской площади в Москве. Несмотря на то что такие сюжеты не раз становились объектом изучения фольклористов, подавляющее большинство текстов ранее были записаны от сельского населения. Новизна настоящей работы заключается в том, что материал собран в городском пространстве. Отличие городских текстов от сельских состоит прежде всего в том, что в них повествуется не столько о событиях советской истории — антирелигиозных кампаниях, сколько о современной жизни, связанной с монастырем и не только. В работе показано, что нарративная схема «человек нарушает табу, наказан высшими силами» продолжает реализовываться в сюжетах актуального религиозного фольклора. Такие истории могут быть рассказаны для подтверждения особого статуса места, с целью научить человека, как правильно вести себя в сакральном месте / с сакральным предметом, а также для поддержания идентичности сообщества, среди членов которого они циркулируют.

Ключевые слова: городской фольклор, нарративная схема, святотатцы, Страстной монастырь, православное сообщество, антирелигиозная кампания.

Дата поступления статьи: 9 апреля 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

Для цитирования: Рычкова Н. Н. Lex talionis: нарративы о наказании святотатцев в православном городском сообществе // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 115–123.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.010>

16 ноября 2016 г. я шла по Москве к метро «Чеховская» через Пушкинскую площадь и заметила двух женщин, стоявших на колоннах возле гранитного камня, установленного в память о Страстном монастыре в центре площади. Я подошла к ним, женщины пели «Боже, Царя храни...». Около

камня стоял крест, несколько икон, лампадка. Когда они закончили петь, я спросила, что здесь происходит. Женщины (ж., 1965 г.р. и ж., 70+) охотно рассказали мне об общине Страстного монастыря, которая была создана в 2006 г.¹ Цель общины — вернуть месту святость (и память)

¹ Община Страстного монастыря — группа мирян, которая с 2006 г. проводит молитвенные стояния и крестные ходы на бывшей территории Страстного монастыря — ныне Пушкинской площади — каждую субботу в 14.00 и в дни престольных праздников. Их деятельность окормляет протоиерей о. Алексей Гомонов, настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы

и постепенно возродить здесь Страстной монастырь, находившийся на площади до 1937 г., когда все строения монастыря были разрушены. Наша встреча с женщинами была случайной, я не имела никаких подготовленных вопросов, поэтому назвать наш разговор интервью никак нельзя. Тем интереснее наша часовая беседа, которую направляла вовсе не я, а мои собеседницы. Основной рассказчицей была женщина 1965 г.р. Первые восемь минут нашей беседы она подчеркивала особый статус этого места и для убедительности приводила примеры разного рода: мнение прозорливой монахини, «свидетельства» ученых и истории, произошедшие с обычными людьми. Обратимся к фрагменту разговора, содержащему три такие истории, рассказанные ею одна за другой.

1². *«Я тебе так скажу. Вот смотри, я собираю подписи за восстановление. Вот я подхожу к одной, а тут хотели поставить подземные гаражи, с той стороны рыли, хотели убрать фундамент, захоронения монахинь <А тут есть?> Конечно, хотели убрать и поставить подземные гаражи. Я ей говорю: “Ты не хочешь расписаться?” А она так стоит и говорит: “Это еще надо подумать, чему там стоять?” Она одну субботу сказала, на следующую субботу застрелили ее мужа брата. А твой брат ее мужа сюда взял, квартиру свою отдал, машину отдал, и они жили, как цари. Как только она сказала, на следующую субботу его убирают, все. Квартиру жена забрала, та его жена забрала все и машину забрала — все забрала. И неизвестно кому там жить. Представляешь как?»*

2. *«Другая, другому я директору говорю (<обращается к Т.> — Ты была у меня). Я говорю директору: “Вы ж с депутатами имеете дело, ну закрыть надо, ну что дети невинные танцуют, погибают, они ж не знают, что здесь страшное место. (<Обращается ко мне> — Вот то*

как бермудский треугольник в море. Вот такое это место. Понимаешь?) Вы ж можете обследовать, если Вы действительно там прозорливый какой”. Понимаешь? А он мне говорит: “С вас смеются люди”. А я говорю: “Почему?” — “Потому что вы ходите крестным ходом”. А я говорю: “А я посмотрю, как вы будете смеяться, если через два года жопой голой в ледяной воде сидеть будете”. Вот серьезно. Ось земли наклонится. Дело в том, что это место для земли большую силу. И действительно, если монастырь не восстановим, то ось земли наклоняется и нас затопит. А то, что Северный полюс приближается к экватору, Антарктида приближается к экватору, но прозорливые-то это видят. Они должны это... Немедленно надо купола поставить. А он мне говорит. Как сказал смеяться будут, через неделю, ровно через неделю ножом его в печень подрезали, и сказали, и тот, кто подрезал, сказал, что он под гипнозом девчонку изнасиловал. По телевизору сказали. С него так же смеялись, кто с меня смеялся».

3. *«Другая вот недавно. Две девчонки и мальчик. Я им говорю: «Место страшное, и думать даже про это плохо нельзя. Единственное, я вас прошу, приходите ко мне. Одна взялась среди них и пришла. Ходила с нами крестным ходом. А другая спрашивает: “Вот ты крестным ходом шла, а что про тебя люди думали?” Она только сказала, отобрала ноги, не может танцевать. И звонит мне, “Ой, ЛВ, мне плохо”. А я говорю: “Ты случайно на это место ничего не подумала?” — “Да подумала, шо про тебя люди подумают?” Говорю: “А теперь ты не можешь ходить, как ты идешь вот так, как на тебя люди смотрят?” Страхное действительно, только подумать, а если еще потанцевать» (Зап. от ж., 1965 г.р., г. Москва. Соб. Н. Н. Рычкова. 2016 г.) [ПМА].*

Приведенные рассказы представляют реализацию хорошо известной

в Путинках. Община имеет также лидера из мирян, с 2006 г. сменилось три человека. В 2012 г. силами общины был установлен памятный камень в центре площади за памятником А. С. Пушкину с надписью «Здесь стоял Страстной девичий монастырь во имя Страстной чудотворной иконы Божией Матери. Основан в 1654 г., разрушен в 1937 г. В память о Страстном монастыре и 200-летию первой Божественной Литургии в нем по освобождению Москвы от наполеоновских войск в 1812 году». Члены общины собрали более 130 тысяч подписей граждан за воссоздание Страстного монастыря на историческом месте.

²Тексты, приводимые в статье в качестве примеров, были пронумерованы, чтобы проще было ссылаться на них далее.

в фольклорной традиции нарративной схемы «человек нарушает табу, наказан высшими силами» [Петров 2018, 122]. В публикациях исследователей сюжеты, построенные по этой схеме, известны как легенды (или просто сюжеты) о наказании за святотатство, о разрушении/разорении/порушении святынь/церкви (см., например: [Добровольская 1997; Мороз 2000; Штырков 2001; Фадеева 2003; Каргополье 2009, 182–208; Буйских 2013; Петров 2018; Юрчук, Казаков 2018]). Большинство опубликованных текстов были записаны в сельской местности, исключением является публикация Е. Е. Левкиевской, которая фиксировала подобные нарративы среди горожан — в Москве, однако исследовательница подчеркивает, что в имеющихся в ее распоряжении текстах нет принципиальных отличий от сельских рассказов [Левкиевская 1997]. Как отмечают авторы перечисленных работ, подобные нарративы явились реакцией на события антирелигиозных кампаний, проводимых Советским государством сначала в 1920–1930-е, а затем в 1960-е гг.

Московский Страстной монастырь, о котором идет речь в нашей работе, был снесен в первую волну, и, конечно, я ожидала записать некоторое количество текстов о наказании тех, кто в советское время участвовал в его разрушении. За четыре года моей работы среди членов общины был записан один нарратив, реализующий обсуждаемую схему и рассказывающий именно о советской истории монастыря. Этот сюжет является фрагментом речи, которую произнес бывший лидер общины за праздничной трапезой после молитвенного стояния в главный престольный праздник общины — день Страстной иконы Божией матери:

4. *«Редакция газеты “Известия” сыграла роковую роль. Может быть, если бы ее не было рядышком, до сих пор бы стоял Страстной монастырь. Но на четвертом этаже гуляет редактор и смотрит в окно и звонит товарищу Сталину. Я это слышал. Как это было удивительно слышать. И говорил: “Товарищ Сталин, мы рупор Советского Союза, газета “Известия”, а под нами ходят монашки, беснуются, ходят крестными ходами”. Товарищ Сталин говорит: “Сейчас наведу, товарищ...” Там был Скворцов, Бухарин, “порядок, допустим”. Скворцов вот*

несколько раз звонил, приезжал в обуви, с НКВД, кидали матушек, девочек и увозили, вы знаете куда, Бутово ближайшее, куда мы ходим и возлагаем цветы, там и наши монахини лежат. Скворцов поехал отдыхать после этого в Сочи, передает все это по радио, я слушал, и его хватает сердечный приступ. За содеянное. Бухарин. Товарищ Сталин, я редактор, опять вижу там монахини никак не угомонятся, а ходят крестными ходами под нашими окнами славного “Известия”. “Сейчас, товарищ Бухарин, разберусь”. Опять будка приезжает, опять кидают матушек, опять увозят, а Бухарина расстреливают в том же году. Поделом. Оставшихся монахинь пытаются. Вера, София и Федор причислены к лику святых» (Зап. от м., 60+, бывший лидер общины, г. Москва. Соб. М. Гаврилова. 2017 г.) [ПМА].

Речь, в которую был вписан этот текст, знакомила присутствующих с некоторыми важными вехами в истории монастыря и места, где он находился. Впрочем, это одна из частотных ситуаций, когда рассказывание историй о наказании святотатцев имеет своей функцией подтвердить «силу святого места» [Кормина 2019, 151]. Как справедливо отмечает Ж. В. Кормина, такие тексты вместе с историями о «чудесных исцелениях» и «трансгрессии божественного в определенном месте пространства» рассказывают об особенностях, избранности места. Все три типа сюжетов циркулируют и среди членов общества, однако большинство историй о Божьей каре связаны с настоящим — с новой историей монастыря, которая началась в 2006 г. с образования общины и движения за его возрождение. Первые три сюжета, записанные от женщины 1965 г.р., как раз и показывают, что святое место — избранное в данном случае Божьей карой (существует текст о том, как икона сама выбрала себе это место) — всегда остается таковым, независимо от современного светского назначения. В сегодняшней ситуации постсекулярности, когда религия в городской среде вынуждена сосуществовать и делить пространства, здания с нерелигиозным, истории о наказаниях современных святотатцев становятся аргументом в борьбе за истинное назначение пространства, они — в форме дидактической — отвечают на вопросы: чему здесь быть, чье это место?

Еще две истории о Божьей каре были рассказаны во время одного из чаепитий после очередного молебна. Четверо мужчин обсуждали текущие дела общины, подвижки в деле возведения часовни, реальность возвращения памятника Пушкину на Тверской бульвар и вернулись к событиям 2007 г., когда был приостановлен турецкий проект строительства подземной парковки на территории Пушкинской площади³. Зашел спор, кто же приостановил проект: сами турки, побоявшись настраивать против себя русское православное сообщество (м., 70+), или власти Москвы после многолюдного митинга на площади (м., 45+). Далее в качестве аргумента за то, что Лужков понял необходимость заморозить проект, м., 45+, привел такую историю:

5. «В. <м., 70+>, смотри, хронология такая: ж., 40+ <член общины>, рассказала в свое время такую историю. Она когда-то была знакома с Лужковым, но потом утратила свое влияние и уже не могла к нему в кабинет приходиться. Но однажды встретила в коридоре мэрии с ним и сказала: “Юрий Михайлович, так вот, Страстной монастырь...” Пока он проходил по коридору со своей охраной там. Он: “Ну не, что там, мы же, кажется, уже все решили...” Она <ж., 40+> сказала: “Ну как же, это земля Богородицы...” — “Ну Т., ну всё уже решено, ну всё”. И тогда поняв, что он сейчас уже уходит начинает, она с горяча сказала: “Ну Юрий Михайлович, вообще-то это действительно земля Богородицы, и она может решить по-своему”. А через две недели его сняли».

М., 70+, рассказал свою историю о снятии Лужкова, которая была реализацией все той же нарративной схемы:

6. «А насчет Лужкова я что добавлю: помните, разрушали остатки храма в Беляево и ездили, заищивали. И вот, я уж не помню, женщина рассказывала, она с нами молилась. Говорит: “Экскаватор подогнали, поговорили с экскаваторщиком. Он русский — ушел, привели, значит, мусульманина, он сел и стал разрушать”. И вот она стоит и к нам общается: “Вот поймите, не долго осталось Лужкову быть на месте, Богородица его не простит”. Через

10 дней Лужкова сняли» (г. Москва. Соб. Н. Н. Рычкова. 2019 г.) [ПМА].

В последнем тексте интерес вызывает тот факт, что наказан не сам разрушитель — экскаваторщик, — а лицо, ответственное за происходящее, — начальник, позволивший случиться этому событию. Если мы посмотрим на все шесть текстов, то увидим, что в четырех наказаны люди, имеющие власть. Так и в тексте о советском прошлом важным оказывается наказание не простых исполнителей, которые приезжали в монастырь, а тех, кто ими руководил. В качестве еще одного примера приведу фрагмент разговора с членом общины, м., 60+:

7. «<А захоронения, которые на территории монастыря были, они остались?> Когда здесь копали, костей столько раскопали. И кости спасли, кой-какие спасли, кой-какие не спасли. Потому что строители — им все равно, что это за кости, они как бы люди не православные, не благовейные. <А им ничего за это не бывает?> Это я не знаю... Начальникам будет, начальник распоряжается. <Я имею в виду кара какая-то или наказание?> Кара начальнику будет, в итоге будет. Сначала предупреждение будет от Господа, мол, если ты не прекратишь вандализм заниматься, кошунством, вандализмом. Вот был случай на Украине, один начальник, а должен был приехать патриарх Кирилл, и он произнес: “Только через мой труп он сюда приедет”, через неделю или, короче, молния его прям — чих — убивает и труп, просил трупа от Господа, вот, пожалуйста. То есть Господь бывает сразу карает, а бывает немножко... в зависимости от уровня, начальников сразу, потому что ты как бы над людьми, ты не имеешь права. Какой-то там бомжонок, дак его еще потерпит. А начальник серьезно, он руководит людьми, он заряжает массы» (Зап. от В., 60+, г. Москва. Соб. Н. Н. Рычкова. 2017 г.) [ПМА].

Это рассуждение в финале истории представляется очень важным, так как может служить объяснением, почему персонажами, наказанными за неподобающее отношение к святому месту, часто становятся начальники разного уровня:

³ Подробнее об инвестиционном проекте и решении о его прекращении можно прочитать, например здесь: URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2010/11/19/ploschad_sobyanina (дата обращения: 20.03.2020).

именно руководители могут влиять на исход тех или иных событий, в том числе в соответствии со своими полномочиями делать выбор в пользу Бога или других сил — дьявольских, которые постоянно ведут борьбу за человека. Эти тексты являются наглядным подтверждением мысли А. Б. Мороза, который предлагает рассматривать такие нарративы в том числе как «повествования о состязании человека с Богом» [Мороз 2002]. В текстах о советской истории нередко святотатство также совершают представители власти: председатель колхоза, парторг, местные партийные деятели [Мороз 2002, Буйских 2013, 203]. В текстах, записанных от членов общины Страстного монастыря, есть не только безымянные начальники, но и известные представители власти, от которых зависела судьба обители. Это вполне понятно, если учесть, что монастырь осмысляется как один из важнейших в судьбе Москвы и даже России (его история связана с царской семьей, с победой в Отечественной войне 1812 г. и т.д.).

Исследователи, изучавшие подобные сюжеты в деревнях, указывали, что святотатцами могут быть как «свои» (например, в архиве Ю. Буйских именно такие герои), так и «чужие» — территориально — из райцентра, из соседней деревни (об их преобладании в текстах говорит А. Б. Мороз), или этнически (литва, пань, если учесть исторические предания со схожим сюжетом [Штырков 2012, 85–95]). Городское сообщество значительно шире деревенского, и поэтому разграничить в этих рассказах героев на своих и чужих гораздо сложнее. Если считать своими только членов сообщества, то героями выступают именно чужие, не участвующие в деятельности общины. Но правильнее было бы рассматривать своими всех жителей Москвы (или только православных), которые должны знать о святом месте и бережно относиться к нему. Тогда «своими» будут герои первых трех

текстов и мэр Москвы, а чужими — строители («люди не православные, не благовейные»), проводившие реконструкцию⁴ площади, а также мусульманин (вновь подчеркивается религиозная чуждость), заменивший православного, в рассказе о храме в Беляеве. Однако, как я уже отмечала, не их постигает кара, а тех, кто ими руководил. Приведу еще один текст, записанный от ж., 1965 г.р., о тех же строителях, работавших на площади в 2013 г.:

8. *«Тут три года назад бригада Украины снимали асфальт и вывозили тут все, что было, затронули где-то кости монахинь, и я сто процентов уверена, что бригада, которая работала, это была с Луганска, Донецка, где война. Снесло с лица земли всех, кто тут драпал»* (Зап. от ж., 1965 г.р., г. Москва. Соб. Н. Н. Рычкова. 2016 г.) [ПМА].

В данном случае вина за осквернение святыни ложится не только на самих деятелей (территориальных чужаков), но и на всех жителей той территории, выходцами из которой они были, — мировые исторические события осмысляются как Божье наказание. Схожий мотив встречается и в сельской традиции, правда, в куда более мелком масштабе: наказание постигает всех жителей села⁵.

Далее стоит уделить внимание соотношению поступков святотатцев и следующих за ними наказаний. Применительно к сельской традиции С. А. Штырков описал повествовательные модели, по которым строятся такие тексты. «Что касается нарративных схем, то я выделил две следующие: с преступником происходит то же, что он совершил со святыней; наказывается тот член, которым было совершено преступление. Обе они репрезентируют упомянутый выше принцип соотносительности греха и кары за него. В ряде случаев рассказчики вольно или невольно указывают на некую симметричность наказания и преступления⁶» [Штырков 2012, 61]. Вспомним, опираясь на работы

⁴ О реконструкции Пушкинской площади в 2013 г. можно прочитать здесь: URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/5299/1394050/> (дата обращения: 20.03.2020).

⁵ Такого рода тексты были записаны в с. Красавка Самойловского района Саратовской области в 2018 г. во время экспедиции ЦТСФ РГГУ.

⁶ Принцип симметричности греха и кары в этих фольклорных текстах — видимо, одна из реализаций довольно древнего, известного и книжной христианской традиции, и иконографии, и фольклору (в частности, сказкам) «зеркального подобия» прижизненного греха и посмертной кары». Подробнее об этом см.: [Антонов, Майзульс 2011, 258–264].

исследователей, что может сделать святотатец: разрушить церковное здание, сбросить колокола, уничтожить икону, утилизировать церковное имущество, преследовать божьих людей [Добровольская 1999], осквернить храм (перепрофилирование здания, бессмысленное поругание (испражнения, танцы в алтаре) [Буйских 2013]. То есть совершить какое-либо из этих действий. В записанных мною текстах действий как таковых два — это разрушение храма в Беляеве и вскрытие захоронений⁷. В «советском» тексте святотатством является преследование божьих людей — монахинь монастыря. По наблюдениям В.Е. Добровольской, «обида “слуги божьего”, вызвавшая его смерть, карается смертью», таким образом, именно этот текст вполне вписывается в традицию поствостований о советских антирелигиозных кампаниях. В других же случаях действия нет, есть нарушение речевого поведения — осквернение святого места или человека словом или даже мыслью⁸. Однако этот новый способ святотатства встраивается в старую модель, особенно это видно в первых трех текстах, где последовательно реализуется принцип симметричности: 1) женщина не поддержала возвращение места тому, кому оно принадлежит по праву, и сама потеряла место жительства; 2) смех над людьми, защищающими интересы монастыря, обращается в смех над смеющимся; 3) боязнь осуждения или даже просто неположительного внимания от сообщества к тем, кто защищает интересы монастыря, обращается против человека, думающего об этом: он сам становится предметом повышенного общественного внимания. В тексте 7 фразеологизм «через мой труп» реализуется в своем буквальном значении: человек, который произносит его в адрес священнослужителя, сам становится трупом. Как справедливо пишет С. А. Штырков, в таких нарративах «список наказаний оказывается очень широким и в принципе открытым»

[Штырков 2012, 64]. Так, здесь мы находим не встречавшееся в опубликованных материалах наказание — снятие с должности. В случае с Лужковым в тексте 5 он наказывается вообще за бездействие — нежелание помочь людям, молящимся за святое место.

Приведенными рассказами моя коллегия текстов, в которых реализуется описываемая нарративная схема, не ограничивается, однако остальные свидетельства о наказании за святотатство сюжетно не организованы и требуют дальнейшего осмысления. Однако и эти материалы, записанные лишь от членов одной общины, позволяют не согласиться с мнением Ж.В. Корминой, которая пишет, что «мотив наказания за кощунство исчезает из актуального религиозного фольклора» [Кормина 2019, 159]. Такое заключение Ж.В. Кормина делает исходя из имеющегося у нее материала — рассказов только о советских святотатцах, которые, отмечает исследовательница, остаются формой коллективной памяти. Таким рассказом для общины Страстного монастыря, в частности, является история о редакторах газеты «Известия». Она встроена в более крупный текст, посвященный историческим событиям, связанным с монастырем, и повторяется для сообщества в качестве поддержания и конструирования групповой идентичности. Остальные же тексты посвящены новейшей религиозной истории, которая связана не только с монастырем и общиной, но и с другими событиями и другими святыми местами. Они рассказываются: 1) как подтверждение особого статуса места, которое остается святым и сильным даже при изменении его назначения; 2) в качестве дидактических историй, транслируемых таким неопитам, как я, которые решили узнать подробности и, возможно, правила поведения; 3) как напоминание о Божественной воле и каре, о бессмысленности соревнования человека с Господом.

⁷ Рассказы о таком виде святотатства ни разу не встретились в работах о советском периоде. Известно, что поругание могил рассматривалось как религиозное преступление до начала XX в., за него были предусмотрены разного рода наказания — в зависимости от исторического периода. Подробнее о наказаниях за святотатство как религиозное, а затем и уголовное преступление см. в [Лукьянов 2016].

⁸ Ср. единственный пример в книге Ж.В. Корминой «Несчастный ассенизатор наказывается за саму мысль вылить грязь в Пещёрку» [Кормина 2019, 158].

Источники и материалы

Каргополье 2009 — Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009.

ПМА — Полевые материалы автора, записанные с 2016 г. по настоящее время.

Исследования

Антонов, Майзульс 2011 — Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик, 2011.

Буйских 2013 — Буйских Ю. С. «Если есть этот Бог на свете, то пусть меня накажет...»: представление о Божьей каре в рассказах о поругании святынь в Украине // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. М.: РГУ, 2013. С. 200–210.

Добровольская 1997 — Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. матер. науч.-практ. конф. Вып. 2. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.

Кормина 2019 — Кормина Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

Левкиевская 1997 — Левкиевская Е. Е. Москва в зеркале православных легенд // Лотмановский сборник. Вып. 2. М.: ОГИ, 1997. С. 805–836.

Лукьянов 2016 — Лукьянов С. А. Святоатство как вид религиозного преступления в Российском уголовном законодательстве

(X — начало XX в.) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 150–156.

Мороз 2000 — Мороз А. Б. Устная история Русской Церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. № 6 (УЗ РПУ). С. 177–185.

Петров 2018 — Петров Н. В. «Зоино стояние»: фольклорный сюжет и социальная реальность // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 112–125.

Фадеева 2003 — Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья: (К проблеме специфики сюжета и жанра) // Рябининские чтения-2003 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/29.html> (дата обращения: 12.03.2020).

Штырков 2012 — Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012.

Юрчук, Казаков 2018 — Юрчук Л. А., Казаков Л. В. Псковские легенды о наказании за святотатство (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) // Беларуская падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў: Электронны зб. навук. артыкулаў IV міжнар. навук. канф. да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Новополоцк: Полоцкий гос. ун-т, 2018. С. 328–337.

© Н. Н. Рычкова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рычкова Н. Н. <https://orcid.org/0000-0001-5516-1643>

Кандидат филологических наук, научный сотрудник учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: +7 (495) 250-69-31; e-mail: nadya.vohman@gmail.com

Lex Talionis: Narratives About the Punishment of Blasphemers in the Orthodox Urban Community

Nadezhda N. Rychkova

(Russian State University for Humanities:

6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation)

Summary. This article discusses texts about the punishment of blasphemers recorded from community members of the Strastnoi Monastery. The monastery was created in 1654 and destroyed along with its buildings in 1937. Contemporary Orthodox believers hope: (1) to revive the monastery on Pushkin Square in Moscow; and (2) to restore the sacredness of this place.

Despite the fact that such issues have been studied by folklorists more than once, the majority of the texts they recorded have been from rural people. The relevance of the current research stems from the fact that its data was collected in urban space. The difference between rural and urban texts is that the urban ones concern not so much the events of Soviet history such as anti-religious campaigns, but modern life connected with the monastery, and not only that. The research shows that the narrative scheme “a person violates taboos and is punished by higher forces” continues to be realized in contemporary religious folklore narratives. Such stories may be told to confirm the special status of a place; to teach a person how to behave in a sacred place or with a sacred object; and to maintain community identity.

Key words: urban folklore, narrative scheme, blasphemers, Strastnoi Monastery, Orthodox community, anti-religious campaign.

Received: April 9, 2020.

Date of publication: June 25, 2020.

For citation: Rychkova N. N. Lex Talionis: Narratives About the Punishment of Blasphemers in the Orthodox Urban Community. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 115–123. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.010>

References

Antonov D. I., Maizuls M. R. (2011) Demony i greshniki v drevnerusskoi ikonografii: Semiotika obraza [Demons and Sinners in Old Russian Iconography: The Semiotics of the Image]. Moscow: Indrik. In Russian.

Buisikh Yu. S. (2013) “Esli est’ etot Bog na svete, to pust’ menya nakazhet...”: predstavlenie o Bozhei kare v rasskazakh o poruganii svyatyn’ v Ukraine [“If God Exists, Let Him Punish Me...”: The Idea of Divine Punishment in Stories About the Desecration of Holy Things in the Ukraine]. In: Mifologicheskie modeli i ritual’noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve [Mythological Models and Ritual Behavior in Soviet and Post-Soviet Space]. Ed. by A. Arkhipova. Moscow: RGGU. Pp. 200–210. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (1997) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Folk Prose About the Destruction of Churches]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul’tura i sovremenniy mir [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 2. Moscow: GRTsRF. Pp. 76–88. In Russian.

Fadeeva L. V. (2003) Rasskazy o razorenii svyaty-ni v sovremennoi ustnoi traditsii Pinezh’ya (K probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Stories About the Destruction of Holy Things in the Contemporary Oral Tradition of Pinega (On the Problem of the Specificity of Plot and Genre)]. In: Ryabininskie chteniya-2003 [Ryabinin Readings-2003]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/29.html> (retrieved: 12.03.2020). In Russian.

Kormina Zh. V. (2019) Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism]. Moscow: Izd. dom VShE. In Russian.

Levkievskaya E. E. (1997) Moskva v zerkale pravoslavnykh legend [Moscow in the Mirror of Orthodox Christian Legends]. In: Lotmanovskii sbornik [Lotman Collection]. Issue 2. Moscow: OGI. Pp. 805–836. In Russian.

Lukyanov S. A. (2016) Svyatotatstvo kak vid religioznogo prestupleniya v Rossiiskom ugolovnom zakonodatel’stve (X — nachalo XX v.) [Sacrilige as a Religious Offense in Russia’s Criminal Legislation (10th — Early 20th Century)]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Safety]. 2016. No. 1. Pp. 150–156. In Russian.

Moroz A. B. (2000) Ustnaya istoriya russkoi tserkvi v sovetskii period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvei) [Oral History of the Russian Church During the Soviet Period (Folktales About the Destruction of Churches)]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova* [Scholarly Notes of the Apostle John the Theologian Russian Orthodox University]. 2000. Issue 6. Pp. 177–185. In Russian.

Petrov N. V. (2018) “Zoino stoyanie”: fol’klornyi syuzhet i sotsial’naya real’nost’ [“Zoya’s Standing”: A Folk Plot and Social Reality]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 112–125. In Russian.

Shtyrkov S. A. (2012) Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest’yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny) [Legends About Foreign Invasion: The Peasant Narrative and Mythology of Landscape (Based on Material from the Northeastern Novgorod Area)]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Yurchuk L. A., Kazakov L. V. (2018) Pskovskie legendy o nakazanii za svyatostatstvo (po materialam fol’klornogo arkhiva Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta) [Pskov Legends About Punishment for Sacrilige (Based on the Materials of the School Archive of Pskov State University)]. In: Belaruskie padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavykh dasledavannyav [Belarusian Development: The Experience, Methodology and Results of Field Studies]. Novopolotsk: Polotskii gos. un-t. Pp. 328–337. In Russian.

© N. N. Rychkova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Rychkova <https://orcid.org/0000-0001-5516-1643>

E-mail: nadya.vohman@gmail.com

Tel.: +7 (495) 250-69-31

6, Miuskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation

PhD in Philology, Fellow Researcher, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)